

Н. В. Качина

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА НА ТРУД

ЛИЦ, НУЖДАЮЩИХСЯ
В ПОВЫШЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ
В СВЯЗИ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ
И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА

• ПРОСПЕКТ •

Наталья Качина

**Уголовно-правовая охрана
права на труд лиц, нуждающихся
в повышенной социальной
защите в связи с беременностью
и воспитанием ребенка**

«Проспект»

Качина Н. В.

Уголовно-правовая охрана права на труд лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием ребенка / Н. В. Качина — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-202553-4

Настоящая работа представляет собой исследование состава преступления, предусматривающего ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет. В работе определяется обоснованность криминализации таких деяний на современном этапе, а также ввиду бланкетного способа изложения диспозиции устанавливается соотношение уголовно-правовой охраны права на труд беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет (и иных лиц, воспитывающих детей), и трудовых гарантий при заключении ими трудового договора и его расторжении. Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

ISBN 978-5-39-202553-4

© Качина Н. В.

© Проспект

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1	7
Глава 2	20
§ 1. Объект необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет	20
§ 2. Потерпевший от необоснованного отказа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Н. В. Качина

**Уголовно-правовая охрана права на
труд лиц, нуждающихся в повышенной
социальной защите в связи с
беременностью и воспитанием ребенка**

•ПРОСПЕКТ•

ebooks@prospekt.org

ВВЕДЕНИЕ

Согласно ст. 7 Конституции РФ наша страна является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Такое государство по определению должно принимать активное участие в жизни общества, обеспечивать своими властными методами его социальную стабильность, гарантировать и защищать жизненно важные права его членов, особенно *социально уязвимых и нуждающихся*. К этой категории, в частности, относятся беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей. Однако в новых экономических условиях социальная защита этой категории населения резко снизилась. Выплачиваемые пособия настолько малы, что не обеспечивают *даже выживание* безработной беременной или ухаживающей за малолетним ребенком женщины. Причина этого очевидна: у государства нет достаточных экономических ресурсов для полноценной заботы о тех, кому она особо необходима. На современном рынке труда эти женщины оказались не востребованными ввиду несоизмеримо меньшей «выгодности» их труда в сравнении с другими работниками.

Кроме того, из-за распространенности выплаты заработной платы «в конвертах» и несовершенства исполнительного производства 3 млн детей, воспитываемых одной матерью, оказываются без алиментов.

Результатом сложившегося положения стало неуклонное и устрашающее снижение уровня рождаемости. Демографическая проблема в России обострилась так, что в периодике ее именуют демографическим кризисом, коллапсом, катастрофой, демографическим беспределом, краем пропасти, русским крестом и т. п.

Как отмечает Председатель Совета Федерации С. Миронов, «2009–2010 годы – это так называемая точка невозврата, после чего пойдут уже совершенно необратимые процессы, так называемый демографический коллапс. Прохождение этой «точки» будет означать развал нашего государства и нации, остановить который не будет ни средств, ни сил. А потому демографическое будущее создается сегодня. Завтра нам придется подчиниться неизбежности»¹.

Именно поэтому в последнее время демографическая политика возведена в ранг государственной и включена в число национальных проектов.

В этих условиях чрезвычайно важно включить в зону повышенного внимания и уголовно-правовые средства охраны прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Однако при значительной распространенности на практике случаев необоснованного отказа в приеме на работу и необоснованного увольнения беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, ст. 145 УК общепризнанно относится к числу «мертвых». Поэтому назрела необходимость превращения ст. 145 УК в действующую, а значит, и необходимость выработки механизма такой трансформации. Существенные новации в трудовом законодательстве также настоятельно требуют переосмысления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК. Решению этих теоретических проблем и посвящена монография.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 145 УК РФ

Право человека должно считаться священным,
каких бы жертв это ни стоило господствующей власти.

И. Кант. К вечному миру

Статья 145 УК, предусматривающая ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, является гарантией реализации в первую очередь права на труд женщин, которые ввиду беременности или наличия малолетних детей неконкурентоспособны (или обладают пониженной конкурентоспособностью) на рынке труда. Эти женщины даже в период социализма в качестве работников были нежелательны, а в современных условиях на рынке труда оказались ненужными совсем. Надо сказать, что экономические реформы в России значительно ухудшили положение вообще всех женщин в сфере трудовых отношений. Как отмечает специалист Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) В. Власов, безработица с момента ее легализации в 1991 г. и до настоящего времени является преимущественно женской². Борьба организаций за выживание сделала женщину, особенно беременную или имеющую малолетнего ребенка (назовем их неконкурентоспособными), первым кандидатом на увольнение и последним в приеме на работу. Ведь на основе свободы труда в условиях рынка труда работодатель выбирает необходимых ему работников в целях наиболее рациональной их расстановки и использования по специальности и квалификации³. Неконкурентоспособные женщины стали работодателю невыгодны.

Действительно, трудовое законодательство предусматривает для них дополнительные гарантии, «обременительные» для работодателя, заинтересованного в эффективности экономической деятельности. Тем более когда работодателю нужно сделать выбор и среди претендентов (в условиях существующей безработицы их, как правило, достаточно) будет беременная женщина, то совершенно очевидно, что предпочтение будет отдано другим лицам. Поведение работодателя совершенно понятно, потому что помимо обременительных дополнительных трудовых гарантий работоспособность у таких женщин в большинстве случаев *понижена*.

Несмотря на то что эта особенность беременных женщин в Трудовом кодексе прямо не указана, о ней свидетельствует положение, закрепленное в ст. 254 ТК, где для беременных женщин в соответствии с медицинским заключением и по их заявлению предусмотрено снижение нормы выработки и нормы обслуживания. Причем рекомендованный объем снижения согласно СанПиН 2.2.0.555-96 «Гигиенические требования к условиям труда женщин», утвержденным постановлением Госкомсанэпиднадзора России от 28 октября 1996 г.⁴, в среднем составляет до 40 % от постоянной нормы, т. е. едва ли не в половину менее нормы.

Кроме того, в медицинской литературе отмечается изменение гормонального фона у женщины при беременности, что не может не отражаться на ее работоспособности⁵. По мнению врачей-эндокринологов, беременность всегда поддерживается гормоном прогестерона, показатели которого у женщины в этом состоянии повышаются в несколько раз, что вызывает в организме некоторый подъем температуры (до 37–37,2 °С) и снижение давления до 90/60 мм рт. ст. Безусловно, это сказывается на общем самочувствии женщины: рассеянное внимание, перепады настроения, чувство недомогания, быстрая утомляемость.

Необходимо добавить, что у беременной женщины в таком состоянии все силы направлены на реализацию инстинкта материнства, а мысли заняты благополучным течением беременности и рождением здорового полноценного ребенка. Более того, психологи пришли к выводу о некоторых отклонениях от нормального состояния у женщины в период беременности. Как отмечает С. Д. Чиганова, психологическая наука в настоящее время располагает данными, согласно которым беременность является сложным психосоматическим феноменом, в своей психологической составляющей содержащим неоднозначные симптомы, которые могут представлять определенную опасность для психологического благополучия беременной⁶. И это тоже не может не сказаться на ее работоспособности.

Конечно, всегда есть исключения из общих правил, однако совершенно очевидно, что беременные женщины в качестве работниц для работодателя непривлекательны. Это же можно с уверенностью сказать и в отношении женщин, имеющих малолетних детей, которым в соответствии с трудовым законодательством тоже предоставляются дополнительные гарантии – дополнительные отпуска, перерывы для кормления ребенка, гарантии при расторжении трудового договора и др.

Неконкурентоспособность указанных женщин особенно ярко выражена в условиях безработицы, когда у работодателя имеется достаточно широкий выбор претендентов на свободную вакансию и можно выбрать более выгодного работника, который своим трудом принесет максимум пользы для организации. Как отмечают специалисты в области трудового права, с учетом предоставляемых льгот от трудовой деятельности беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, работодатель получает несоизмеримо меньшую выгоду, нежели от других работников. Неконкурентоспособные женщины как участники трудовых отношений продают свою рабочую силу на менее выгодных условиях⁷.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о дополнительных гарантиях беременным женщинам при расторжении трудового договора. В частности, в соответствии с п. 1 ст. 261 ТК расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременными женщинами не допускается, за исключением случаев ликвидации предприятия либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

На практике нередко возникают ситуации, когда беременные женщины злоупотребляют своими правами, например, зная о запрете их увольнения, просто не появляются на работе. Правомерно ли в этом случае увольнение беременной работницы за прогул? Именно такой вопрос встал перед Советским районным судом г. Красноярска, рассматривавшим иск о восстановлении на работе гражданки Т., которая, будучи беременной, отсутствовала на работе в течение пяти дней без предоставления работодателю больничного листа (или медицинского заключения об освобождении на работе) и вследствие этого была уволена за прогул.

Придя к выводу о том, что подлежит применению ч. 1 ст. 261 ТК, не допускающая расторжения трудового договора по инициативе работодателя с беременными женщинами, совершившими однократное грубое нарушение трудовых обязанностей (в данном случае прогул), суд обоснованно усомнился в конституционности этого запрета. По мнению суда, ч. 1 ст. 261 ТК не соответствует статьям Конституции, гарантирующим свободу экономической деятельности, равенство всех перед законом, охрану частной собственности, свободу труда, судебную защиту прав и свобод (ч. 1 и 2 ст. 8 и 19, ч. 2 ст. 35, ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 47, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции)⁸. На основании этого Советский районный суд г. Красноярска приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности ч. 1 ст. 261 ТК. Тот, в свою очередь, отметил, что она является по своей сути трудовой льготой, направленной на обеспечение поддержки материнства и детства в соответствии с ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. Вывод из определения Конституционного Суда РФ

однозначен: *даже если сотрудница не появляется на рабочем месте, в период беременности уволить ее невозможно*⁹.

Поэтому даже в тех случаях, когда поступки беременной женщины с полной очевидностью нарушают законные интересы работодателя, последний за необоснованное увольнение ее с работы может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 145 УК.

Однако бывают ситуации, когда беременная женщина не исполняет трудовые обязанности или исполняет их не должным образом, нарушая *законные интересы не только работодателя, но и других лиц*. К примеру, п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК в качестве основания расторжения трудового договора предусматривает совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы, а ст. 336 ТК, являясь специальной нормой¹⁰, предусматривает дополнительные основания расторжения трудового договора с педагогическим работником: ч. 1 указанной статьи – повторное в течение одного года грубое нарушение устава образовательного учреждения, ч. 2 – применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника. Однако беременная женщина не может быть уволена по указанным основаниям. Таким образом, если при выполнении воспитательных функций она совершает аморальные поступки, однократно или регулярно применяет методы воспитания, связанные с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, страдают интересы детей. И здесь интересы беременной женщины вряд ли «перевешивают» интересы детей (тем более, как правило, нескольких). Однако в свете ст. 261 ТК увольнение в таких случаях тоже является противоправным, и в соответствии с буквой закона работодатель может привлекаться к уголовной ответственности. В подобных ситуациях, конечно, имеет место «вина потерпевшего», однако в уголовном праве она выступает лишь обстоятельством, смягчающим ответственность.

Возникает резонный вопрос: насколько оправданно установление уголовной ответственности работодателя за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы «невыгодной», а порой и откровенно обременительной для него работницы, в то время как существует рынок труда? В силу изложенного назрела необходимость ответа на следующий вопрос: соответствует ли Конституции РФ и принципам социальной справедливости определение Конституционного Суда РФ на запрос Советского районного суда г. Красноярска о конституционности ч. 1 ст. 261 ТК?

Чтобы ответить на перечисленные вопросы, в первую очередь необходимо отметить, что социально-экономические права, к которым относятся право на труд и соответствующее ему право на защиту от безработицы, являются правами второго поколения в их историческом контексте¹¹. Идея признания за каждым человеком этих прав и необходимости их защиты со стороны государства возникла в XIX в. на волне резкого обострения отношений между трудом и капиталом¹². Сама природа социально-экономических прав напрямую связывает их осуществление с выполнением государством определенных обязательств в области социальной политики¹³.

Полагаем, что эта особенность позволяет объяснить включение соответствующей статьи и в УК 1996 г.: государство, очевидно, не обладает, во-первых, достаточными экономическими ресурсами для выплаты необходимых пособий лицам, нуждающимся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием детей, а во-вторых – возможностью реализовать конституционно закрепленное право на защиту от безработицы и, соответственно, их право на труд.

В отношении первой причины необходимо отметить, что пособия, выплачиваемые лицам в связи с беременностью и наличием детей, конечно, недостаточны для поддержания нормального уровня жизни родителей с детьми. Как отмечают специалисты в области права соци-

ального обеспечения, институт государственных пособий гражданам, имеющим детей, в силу незначительного их размера в последние годы свою социально-экономическую значимость практически утратил¹⁴. Пособия должны обеспечивать, как минимум, физиологическое выживание беременной женщины или женщины с ребенком в случаях, когда она не может осуществлять свою трудовую деятельность или не имеет возможности трудоустроиться.

Для обеспечения же достойной жизни лицам, нуждающимся в повышенной социальной защите, к которым относятся беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей, государство должно достичь такого уровня экономического развития, когда выполнение этой задачи станет для него посильным.

Стоит отметить, что в последние годы немало делается для поддержки материнства, но и этого недостаточно для того, чтобы женщина беременная или имеющая малолетнего ребенка могла достойно существовать и с уверенностью смотреть в завтрашний день. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2006 г. сделан особый акцент на увеличение рождаемости и укрепление государственной поддержки семей с детьми¹⁵. Разработана Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., одобренная распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г. № 1270-р¹⁶; Концепция федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2010 гг., одобренная распоряжением Правительства РФ от 26 января 2007 г. № 79-р¹⁷; Программа социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 января 2006 г. № 38-р¹⁸. Ключевые положения этих документов предусматривают ряд мер, направленных на эффективную поддержку материнства, повышение благосостояния, уровня и качества жизни семьи. Таким образом, государство приступило к осуществлению конкретных шагов по изменению материального положения беременных женщин и лиц, воспитывающих детей.

Рассматривая вторую причину включения ст. 145 в УК, заметим, что право на труд в действующей Конституции не закреплено, и это обстоятельство отмечается специалистами в области как трудового¹⁹, так и уголовного²⁰ права.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., ратифицированном СССР еще в 1973 г., право на труд интерпретируется как «право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается»²¹. В данном нормативном правовом акте праву на труд корреспондирует обязанность государства обеспечить его реализацию. На первый взгляд, в п. 1 ст. 37 Конституции РФ прописано почти такое же право: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию».

Однако право на труд и право на свободу труда не тождественны. Последнее нарушалось бы принуждением женщины к труду, ограничением выбора того или иного рода деятельности и занятий. Для сравнения покажем, как право на труд было закреплено в Конституции СССР 1977 г. (Конституции всех союзных республик были практически ее копией), принятой после ратификации указанного Международного пакта о правах человека: «Граждане СССР имеют право на труд, – то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с ее количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, – включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Это право обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям, развитием систем профессиональной ориентации и трудоустройства».

Как отмечают специалисты в области трудового права, в ныне действующей Конституции наблюдается отступление как от обязательств по Пакту, так и от норм предыдущих Конституций страны, гарантировавших каждому гражданину СССР право на труд и защищавших его. Исходя из содержания ст. 37 Конституции РФ, можно сделать вывод, что государство не только не гарантирует и не защищает право на труд (нарушая тем самым обязательства по Пакту), но и практически самоустраняется от своей активной роли в регулировании этого одного из важнейших в жизни каждого человека прав. «Труд свободен», и государство конституционно свободно от его обеспечения²².

Вместе с тем право на труд вытекает из сущности человека и выражает его естественную потребность трудиться. Труд сыграл и продолжает играть решающую роль в формировании и развитии человека и является основой и первым необходимым условием всей его жизни на земле, всегда и везде, во все времена и у всех народов. Труд – это природная потребность физически трудоспособного человека обеспечить свою физиологическую жизнь, поэтому, по сути, является естественной необходимостью и естественным правом человека²³.

К. Маркс писал, что труд «есть естественное вечное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»²⁴.

Следует подчеркнуть, что, ратифицировав указанный выше Пакт, государство возложило на себя обязанность принять надлежащие меры по обеспечению реализации права на труд. Поэтому праву на труд каждого человека корреспондирует обязанность государства его реализовать. Осуществление этого права заключается в обеспечении работой всех желающих и предполагает защиту каждого от безработицы²⁵.

Здесь уместно заметить, что, согласно ст. 7 Конституции, Россия провозгласила себя социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Государство, признающее себя таковым, «должно принимать меры по обеспечению социальной защищенности своих граждан, реализации их социально-экономических прав»²⁶. Социальное государство по определению не может не вмешиваться в жизнь общества, не обеспечивать своими властными методами его социальную стабильность, не гарантировать и не защищать жизненно важные права его членов, *особенно социально уязвимых и нуждающихся* (выделено мной. – Н. К.)²⁷.

Возвращаясь к вопросу обоснованности криминализации необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, нельзя не заметить противоречия: если забота о данных лицах – это забота государства, то почему уголовную ответственность за указанные выше деяния несет работодатель.

Отметим, что нахождение аналогичных статей в УК РСФСР 1926 г. (ст. 133-а) и УК РСФСР 1960 г. (ст. 139) с этой точки зрения было вполне обоснованным. Во-первых, социальные выплаты производились за счет фондов государственного страхования, которые формировались из государственного бюджета, т. е. фактически за счет государства. Во-вторых, государство являлось работодателем-монополистом, т. е. все организации были в его собственности.

Ранее в юридической литературе существование ст. 139 УК РСФСР (в УК РФ эти деяния предусмотрены ст. 145) обосновывалось как продиктованное «заботой государства о женщине-труженице, будущей матери и подрастающем поколении, о создании для беременной и кормящей грудью женщины наиболее благоприятных условий труда»²⁸. Таким образом, ст. 139 УК РСФСР рассматривалась как нацеленная на обеспечение реализации социальной функции государства.

В связи с этим обратимся к общей теории государства и права. В ней социальная функция государства определяется как основное направление внутренней деятельности государства,

закрывающееся в смягчении и преодолении таких издержек нынешнего переходного периода, как бедность, углубление неравенства и рост безработицы, в стабилизации уровня жизни населения и более равномерном распределении бремени экономических трудностей между различными группами населения²⁹.

Л. А. Морозова отмечает, что главное назначение социальной функции заключается в обеспечении общественного благополучия, создании равных возможностей для всех граждан в его достижении. В этих целях государство гарантирует занятость трудоспособного населения и справедливое распределение общественных благ. Важной частью социальной функции является осуществление социальной защиты тех, кто нуждается в государственной поддержке. В ней, дополняет автор, наиболее ярко выражено общесоциальное начало государства, т. е. снятие и смягчение социальных противоречий в обществе путем использования цивилизованных средств их разрешения; обеспечение человеку достойных условий жизни посредством гарантирования определенного объема социальных благ за счет государства³⁰.

А теперь вернемся к обоснованию криминализации ст. 139 в прежнем УК. Если забота об этой категории женщин составляла социальную функцию государства, а все организации являлись агентами государства по проведению его функций (администрация предприятия считалась даже одним из видов органов государственного управления)³¹, установление уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или кормящей матери было социально обусловленным.

В настоящее время большинство организаций принадлежит физическим лицам или группе физических лиц, т. е. находятся не в федеральной, региональной или муниципальной собственности, а в частной. При этом на руководителей этих организаций социальная функция государства никакими нормативными актами не переложена. И, важно добавить, – не может быть переложена в принципе. Государство должно экономически стимулировать работодателей к приему на работу этих лиц. Однако оно не вправе перекладывать на них обязанность выполнять несвойственные им функции и уж тем более устанавливать за неисполнение необоснованно возложенных обязанностей уголовную ответственность. Обобщая изложенное, следует признать, что сохранение уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу и необоснованное увольнение беременной женщины и женщины, имеющей ребенка до трех лет, в рыночной экономике социально не обусловлено.

Вместе с тем на нынешнем этапе своего развития государство не имеет достаточных экономических ресурсов для полноценного выполнения своих обязанностей по реализации социально-экономических прав, а именно для полноценной заботы о лицах, нуждающихся в повышенной социальной защите, к которым относятся беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей.

Прямая зависимость реализации государством социально-экономических прав от состояния экономики и имеющихся ресурсов отмечается всеми отечественными учеными, в той или иной степени касающимися этой проблемы. Так, Н. В. Колотова констатирует, что степень защищенности социально-экономических прав обусловлена не только и не столько совершенством правовых механизмов их реализации, сколько соответствием этой категории прав экономическому потенциалу общества³².

И. А. Кулажников также отмечает, что реализация социально-экономических прав во многом зависит не только от их юридического признания и закрепления, но и от состояния экономической системы и социальной политики. Низкий уровень экономического развития является основным препятствием на пути воплощения в жизнь основополагающих ценностей, лежащих в основе социальной государственности, т. е. реализации социально-экономических прав и свобод³³. Социально-экономические права преломляются и конкретизируются применительно к реальным социально-экономическим условиям.

Даже провозглашенные международными актами, ратифицированными нашим государством и Конституцией РФ, социально-экономические права могут быть реализованы только исходя из финансовых возможностей государства. Зависимость этих прав от благосостояния государства, его способности к стабильному экономическому развитию подчеркивается даже в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, где специально устанавливается обязанность государств обеспечивать полное осуществление соответствующих прав *постепенно и в пределах имеющихся ресурсов*.

В настоящее время, как уже отмечалось, государство не обладает возможностью полноценно осуществлять заботу о лицах, нуждающихся в повышенной социальной защите, и в этих условиях декриминализировать деяния, предусмотренные ст. 145 УК, значило бы оставить беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, без правовой поддержки. Кроме того, как отмечается в СМИ, ввиду распространенности выплаты заработной платы «в конвертах» и несовершенства исполнительного производства 3 млн детей, воспитываемых одной матерью, оказываются без алиментов³⁴.

Декриминализация описанных в этой статье действий представляется тем более недопустимой при существующей острейшей демографической ситуации в стране. Установление для таких женщин стабильности на рынке труда является одной из мер, направленных на повышение уровня рождаемости.

Демографическая проблема стоит перед нашим обществом в полный рост. Сегодня она возведена в ранг государственной политики и является одним из национальных проектов³⁵. Современная демографическая ситуация получила различные определения в периодике: «русский крест», демографический кризис³⁶, коллапс, катастрофа³⁷; демографический беспредел³⁸; «край пропасти»³⁹ и др. Все они подчеркивают устрашающий, требующий немедленного разрешения характер наступившей эпохи естественной убыли населения. Как отмечает Председатель Совета Федерации С. Миронов, по определению ученых, «2009–2010 гг. – это так называемая точка невозврата, после чего пойдут уже совершенно необратимые процессы, так называемый демографический коллапс. Прохождение этой «точки» будет означать развал нашего государства и нации, остановить который не будет ни средств, ни сил. А потому демографическое будущее создается сегодня. Завтра нам придется подчиниться неизбежности»⁴⁰.

Одним из основных препятствий на пути решения демографических задач в нашей стране является доступность производства аборт. Российская Федерация относится к немногочисленной группе стран, где для этого достаточно лишь волеизъявления беременной, тогда как в 119 из 193 стран мира аборты разрешены только при угрозе жизни и здоровью женщины. А в большинстве других к ним добавляются сугубо экстраординарные обстоятельства (изнасилование, инцест и т. п.)⁴¹. Кроме того, если по желанию женщины аборт допускается при сроке беременности до 12 недель, то по социальным показаниям в соответствии со ст. 36 Федерального закона «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан» этот срок увеличивается до 22 недель⁴². Ранее согласно постановлению Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567⁴³ к социальным показаниям относились, в частности, признание мужа или жены безработными, ненахождение женщины в браке или его расторжение по инициативе женщины во время беременности, отсутствие жилья, проживание в общежитии, многодетность (трое и более детей) и доход на одного члена семьи менее прожиточного минимума, установленного для данного региона. Таким образом, отсутствие у женщины материальных возможностей для рождения и воспитания ребенка признавалось достаточным основанием для искусственного прерывания беременности даже при сроке более 22 недель беременности.

Сегодня перечень этих показаний значительно сокращен. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 485 к ним относятся: наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав; беременность в результате

изнасилования, пребывание женщины в местах лишения свободы; наличие инвалидности I–II группы мужа или смерть мужа во время беременности⁴⁴. На первый взгляд в рамках существующей демографической проблемы сокращение перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности представляется мерой целесообразной, но вместе с тем без достаточной социальной помощи женщинам, нуждающимся в ней в связи с материнством, малоэффективной.

На современном этапе своего развития государство находится в сложном положении: с одной стороны, острейшая демографическая проблема, которую необходимо решать уже сегодня, с другой – финансовая невозможность поддерживать женщин, желающих иметь детей, но не имеющих для этого достаточных средств.

В рамках этой, можно сказать, чрезвычайной ситуации необходима консолидация всех сил общества, и именно поэтому работодатель должен нести перед обществом социальную ответственность, заключающуюся в солидарной с государством обязанности заботиться о лицах, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием малолетних детей. Ответственность работодателей не должна ограничиваться выплатой налогов и зарплаты. Причем социологические исследования свидетельствуют, что только 9 % бизнесменов России с этим не согласны⁴⁵.

В Концепции социального государства (которым Россия себя конституционно провозгласила) один из разделов посвящен социальной ответственности крупного, среднего и малого бизнеса. Эта ответственность заключается в том числе и в поддержании уровня занятости, осуществлении социальной поддержки наемных работников, адресной поддержке беднейших слоев населения, развитии и софинансировании объектов социальной сферы⁴⁶.

На основании изложенного можно констатировать, что **объективная необходимость в существовании ст. 145 УК в настоящее время есть**. Как сказано в «Философии права» Гегеля, цель оправдывает средства⁴⁷.

Установление уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы беременной женщины и женщины, имеющей малолетнего ребенка, – это временная мера, направленная на поддержание таких женщин в целях решения в первую очередь демографической проблемы. «Демография – как приоритетная проблема национальной безопасности – может и должна стать не только новым национальным проектом, а мегапроектом, на который должны работать все остальные»⁴⁸.

Однако, как было видно из приведенного примера из практики, реализация права на труд указанных женщин может нарушать права как работодателя, так и в некоторых случаях других лиц. А это противоречит конституционному положению, закрепленному в ч. 3 ст. 17 Конституции, в соответствии с которым **осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц**. Поэтому ответ Конституционного Суда РФ на запрос Советского районного суда г. Красноярск о конституционности ч. 1 ст. 261 ТК представляется несоответствующим этому положению Конституции.

С учетом приоритетного значения положений Конституции в отношении отраслевого законодательства нормы последнего не должны противоречить первым. Согласно этому положению привлечение работодателя к уголовной ответственности по ст. 145 УК возможно только тогда, когда осуществление прав беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, не нарушает прав работодателя и других лиц. В противном случае деяния, совершенные работодателем, можно будет признать обоснованными в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ (подробнее об этом в следующих главах).

В свете изложенного необходимо оценить, как реализуются основные требования, или, как их еще именует современная уголовно-правовая теория, принципы (основания) криминализации⁴⁹ в отношении деяния, предусмотренного ст. 145 УК. Терминологические различия

не отражаются на содержании рассматриваемых положений, поэтому не будем останавливаться на поиске наиболее правильного варианта. Вместе с тем мы разделяем позицию Г. А. Злобина, разграничивающего понятия «принципы» и «основания» криминализации, понимающего под первыми систему правил и критериев установления уголовной ответственности⁵⁰, которые мы сначала и рассмотрим.

Общественная опасность. Г. А. Злобин отмечал, что этот принцип указывает на тот исходный пункт движения познания, от которого оно должно отправляться при исследовании вопросов обоснованности криминализации⁵¹. По мнению А. В. Серебренниковой, общественная опасность деяния, предусмотренного ст. 145 УК, состоит в том, что оно посягает на три конституционных права женщины – на труд, равноправие граждан, независимо от пола, и защиту материнства и детства⁵². Л. Г. Мачковский также считает, что присутствие общественной опасности в посягательствах на основные права человека определяется тем исключительным значением, которое придается в современном мире необходимости их обеспечения, соблюдения и охраны, – «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ). Он утверждает, что посягательства на конституционные права человека по самой своей природе требуют применения мер уголовной ответственности⁵³.

Вместе с тем встречаются и прямо противоположные точки зрения. Так, по оценке Н. А. Лопашенко, деяние, предусмотренное ст. 145 УК, не достигло преступного уровня общественной опасности, поэтому существует необходимость его декриминализации⁵⁴. Однако, как мы уже отмечали, исследуемому деянию на нынешнем этапе экономического и демографического развития России общественная опасность все-таки присуща, т. е. оно способно причинить существенный вред объекту уголовно-правовой охраны. В то же время, как отмечает А. И. Коробеев, характер и степень общественной опасности не есть величины, раз и навсегда данные криминализированным деяниям. Общественная опасность преступлений по разным причинам может усиливаться, а может и ослабевать⁵⁵.

И действительно, с укреплением российской экономики общественная опасность деяния, предусмотренного ст. 145 УК, будет неуклонно снижаться. Экономически сильное и стабильное государство сможет «самостоятельно» полноценно заботиться о лицах, нуждающихся в его особой заботе, в том числе оказывать им достаточную социальную помощь, осуществлять систему мер по оказанию содействия в трудоустройстве и поддержанию стабильности трудовых правоотношений с их участием. В таких условиях повысится и уровень рождаемости. Так, к примеру, в Швеции и Финляндии женщина может вообще не работать, родив двоих детей, поскольку размер пособия в некоторых случаях составляет 90 % заработной платы⁵⁶.

Тесная взаимосвязь существует между экономическим ростом и ростом занятости, что отмечалось в докладе на десятой встрече министров труда и занятости стран – членов «Большой восьмерки», организованной Российской Федерацией и посвященной теме «Эффективная занятость как фактор экономического роста и социальной интеграции». Экономический рост приводит к созданию новых рабочих мест, а следовательно, увеличению числа занятых в экономике. Высокие темпы экономического роста способны создать более благоприятные макроэкономические условия для снижения безработицы и уровня бедности. Интенсивность этого процесса варьируется в зависимости от национальных особенностей экономики различных стран и различных фаз экономического цикла⁵⁷.

«Государство должно вести борьбу не с преступностью, а с ее наиболее опасными проявлениями, создавать в обществе такие условия (направленные на его социально-экономическое развитие), в которых преступность лишалась бы благоприятной для нее сегодня экономической и политической почвы»⁵⁸. Следовательно, при создании государством соответствующих условий данное деяние просто лишится благоприятной почвы. В своем Послании Федераль-

ному собранию Российской Федерации 2006 г. Президент Российской Федерации заявил: «... Возросшие экономические возможности позволили нам направить дополнительные инвестиции в социальную сферу, а по сути – в рост благосостояния людей, в завтрашний день России»⁵⁹. Соответственно, государство движется в правильном направлении.

Однако в настоящее время исследуемое деяние признаком общественной опасности еще обладает, и говорить о его декриминализации преждевременно.

Относительная распространенность криминализируемых деяний. Применительно к необоснованному отказу в приеме на работу или необоснованному увольнению беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, этот принцип связан с определенными особенностями, как, впрочем, и предыдущий. При значительной распространенности этих деяний рассматриваемая норма общепризнанно относится к «мертвым», т. е. к тем, применение которых близко к нулевому. А. И. Коробеев отмечает, что часть «неработающих» норм содержит ответственность за деяния, довольно часто совершаемые в жизни, но остающиеся безнаказанными в судебной практике в силу трудностей их выявления и доказывания⁶⁰. К таким нормам относится и ст. 145 УК. Однако это обстоятельство не является аргументом в пользу декриминализации описанных в ней деяний. Как справедливо отмечает Е. В. Епифанова, малое количество дел в судах или их отсутствие не может служить причиной декриминализации потому, что УК призван не только пресекать преступления, но и предупреждать преступные проявления⁶¹. Т. А. Плаксина считает, что криминализация даже каких-либо отсутствующих в реальной жизни или единичных деяний может быть в ряде случаев оправдана необходимостью общепредупредительного воздействия установления ответственности за них⁶².

Вместе с тем повсеместное совершение исследуемых нами деяний свидетельствует о недостаточной предупредительной силе воздействия рассматриваемой нормы. «Выходом из создавшегося положения может стать переориентация практики на более последовательное и строгое соблюдение принципа неотвратимости ответственности применительно к названному составу»⁶³. Норма из «мертвой» должна превратиться в «действующую», и выработке «механизма» этой трансформации в значительной мере посвящена настоящая работа.

В то же время полностью отрицать превентивный характер «пребывания» ст. 145 в УК нельзя. Как показал проведенный нами социологический опрос, 49,1 % из опрошенных нами работодателей не совершают деяния, предусмотренные ст. 145 УК, именно из-за страха быть привлеченными к уголовной ответственности.

Международно-правовая допустимость и необходимость криминализации. С одной стороны (в части криминализации), Россия обязана приводить уголовное законодательство в соответствие с принятыми на себя международными обязательствами в борьбе с преступностью, с другой – любое планируемое изменение уголовного закона должно предварительно оцениваться с точки зрения его соответствия указанным обязательствам⁶⁴.

Исследуемая нами норма охраняет, как отмечалось, в первую очередь право на труд беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, а также право на равные возможности (т. е. на защиту от дискриминации) и право на защиту материнства. Международно-правовые основы этих прав, относящихся к группе социально-экономических, содержатся в нормах и принципах Устава ООН⁶⁵, программных положениях Всеобщей декларации прав человека⁶⁶, нормах Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенции ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.)⁶⁷, а также в нормах – стандартах Конвенций МОТ: Конвенции № 103 «Об охране материнства» (1952 г.)⁶⁸, Конвенции № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» (1958 г.)⁶⁹, Конвенции № 122 «О политике в области занятости» (1964 г.)⁷⁰, Конвенции № 156 «О равном

обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (1981 г.)⁷¹.

Однако программная Конвенция МОТ № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики»⁷², содержащая чрезвычайно важные для развития действующего российского законодательства в области социального обеспечения положения, до сих пор не ратифицирована. Россия не имеет необходимых материальных ресурсов для того, чтобы взять на себя обязательства по этой Конвенции. Именно данное обстоятельство и обуславливает необходимость существования в УК ст. 145.

Принимая во внимание положения названных ратифицированных международных нормативных актов, необходимо отметить, что ни в одном из них нет положений, *обязывающих* работодателя принимать на работу беременную женщину или женщину, имеющую малолетних детей, тем более под угрозой применения санкций.

Вместе с тем в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации содержатся нормы, запрещающие дискриминацию женщин в области занятости. В п. «в» ч. 1 ст. 11 женщинам гарантированы одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме. В Конвенции об охране материнства и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин содержатся нормы, ограничивающие действия работодателя при увольнении женщин беременных или находящихся в отпуске в связи с материнством (т. е. в отпуске по беременности и родам). Так, в соответствии со ст. 6 первой названной Конвенции, если женщина находится в отпуске в связи с материнством, со стороны предпринимателя является незаконным уведомлять ее об увольнении во время отпуска или тогда, когда срок, указанный в уведомлении, истек бы во время отпуска. В п. «а» ч. 2 ст. 11 второй Конвенции установлен запрет увольнения с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминации ввиду семейного положения под угрозой применения санкций.

Проводя сравнение запретов, установленных ст. 145 УК, с предусмотренными в конвенциях, необходимо отметить их несовпадение. Российское законодательство устанавливает более высокие стандарты для женщин беременных или имеющих малолетних детей по сравнению с минимальными стандартами, установленными в Конвенциях. Это обстоятельство можно рассматривать как позитивный момент при активной роли государства в регулировании права на труд и права на защиту от безработицы в отношении лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием. Установление в России более высоких трудовых стандартов за счет возложения обязанности по их исполнению на работодателя и уголовной ответственности за ее неисполнение, безусловно, выходит за рамки международных обязательств. Однако в сложившейся в стране социально-экономической и демографической обстановке это, как отмечалось, оправданно.

Принцип справедливости заключается в том, что объявление деяния уголовно наказуемым должно одобряться обществом. Как отмечает Л. Г. Мачковский, уголовно-правовой запрет будет обоснованным только в том случае, если данная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается общественным правосознанием как требующая уголовно-правового воздействия.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что в обществе существует двоякое отношение к деяниям, предусмотренным ст. 145 УК. Большинство работодателей считают установление уголовной ответственности за них неоправданным и необоснованным. Такую оценку дали 83,7 % опрошенных нами работодателей. По мнению их большинства, забота о лицах, нуждающихся в повышенной социальной защите, – это забота государства, которую оно не вправе перекладывать на их плечи. Большинство женщин, наоборот, считают, что работодатель должен нести ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы беременной женщины или женщины, имею-

щей малолетнего ребенка. Это мнение высказали 86,5 % опрошенных женщин. Однако 61,8 % женщин считают установление за них именно уголовной ответственности излишним. По их мнению, достаточно и других видов ответственности.

Двойное отношение к установлению уголовной ответственности за эти деяния не позволяет однозначно констатировать соответствие включения их в УК принципу справедливости. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением С. И. Никулина о том, что иногда законодатель может отклониться от подлинно моральной оценки криминализируемого деяния, которое в результате этого не воспринимается обществом как общественно опасное поведение⁷³.

Экономии репрессии. «Криминализация деяния уместна тогда и только тогда, когда нет и не может быть нормы, достаточно эффективно регулирующие соответствующие отношения методами других отраслей права»⁷⁴. Возникает вопрос, почему законодатель считает необходимым установить за исследуемое деяние именно уголовную ответственность? В свете изложенного считаем, что только страх уголовного наказания может заставить работодателя воздержаться от их совершения. Поэтому установление уголовной ответственности в создавшейся обстановке является необходимой и оправданной мерой (хотя, безусловно, и временной).

Отдельного внимания заслуживает вопрос об основаниях криминализации, под которыми Г. А. Злобин понимает то, что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутреннюю необходимость возникновения правовой нормы⁷⁵. Нередко основанием криминализации, отмечает он, оказывается существенное и внезапное изменение социальной, политической или экономической обстановки в результате войны, стихийного бедствия, неурожая и других событий.

А. Б. Сахаров тоже отмечает, что необходимость в уголовно-правовой регламентации может быть вызвана возникновением особо экстремальных условий (военная обстановка, обострение международной ситуации, экономические осложнения и т. д.)⁷⁶.

Сложившаяся в России острейшая демографическая ситуация на фоне, как правильно охарактеризовал С. С. Босхолов, перманентно развивающегося системного кризиса, в котором страна находится с начала 90-х гг. прошлого века⁷⁷, как раз и является экстремальной, чрезвычайной обстановкой. Необходимость криминализации необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, в УК 1996 г. была вызвана этим кризисом во всех жизненно важных сферах России (экономической, политической, социальной, демографической и др.), который явился следствием перестроечных процессов, происходящих в стране. Выплата минимальных пособий, не обеспечивающих даже выживание оставшейся без работы беременной или ухаживающей за малолетним ребенком женщины, и неспособность государства оказывать содействие им в трудоустройстве побудили Комитет по делам женщин Госдумы настоять на восстановлении данной нормы, которая первоначально в проекте УК РФ (1995 г.) не содержалась. Как справедливо считает М. Ю. Федорова, в условиях рыночной экономики потребность человека в социальной защищенности существенно возрастает⁷⁸. Неконкурентоспособные женщины, лишившись помощи государства в ситуации, когда она особо необходима, не могли остаться вовсе без правовой поддержки. Такой поддержкой стали гарантии, предусмотренные для них трудовым законодательством, и обеспечивающая их уголовно-правовая норма (ст. 145 УК).

Как отмечалось, существование в Уголовном кодексе ст. 145 носит временный характер, и государству необходимо предпринять максимум усилий, направленных на достойную социальную поддержку беременных женщин и лиц, воспитывающих детей. Это особенно важно в ситуации, когда они по независящим от них причинам не могут осуществлять трудовую деятельность.

В современной России материальный недостаток является одним из главных препятствий на пути решения проблемы роста рождаемости. Результаты наших социологических исследований это подтверждают. Из опрошенных женщин 75 % не желают иметь детей (вообще или иметь их больше) именно из-за проблем материального характера.

Однако прежде всего государство должно обеспечить право неконкурентоспособных лиц на труд, т. е. возможность зарабатывать на жизнь трудом, поэтому начать необходимо с *конституционного закрепления* этого права. Именно в труде человек формируется как личность, приобретает и развивает необходимые способности и навыки, реализует их в трудовой деятельности. Человек – общественное существо. Участвуя в общественно значимой трудовой деятельности, он получает удовлетворение от востребованности своего труда, своей «полезности». Не случайно трудоспособные люди, оказавшись безработными, испытывают определенный комплекс неполноценности, чувство унижения, получая социальную помощь⁷⁹.

По справедливому утверждению М. Ю. Федоровой, работа всегда лучше социального обеспечения⁸⁰. Тем более, как отмечает Л. Б. Максимович, установление государственных пособий гражданам, имеющим детей, как один из видов социального обеспечения, по существу, является формой материальной поддержки семьи государством, подспорьем семейного бюджета, *основу* которого составляет заработная плата и другие доходы родителей ребенка.⁸¹ Поэтому детские пособия не только не являются, но и не могут и не должны быть основным источником средств существования семьи и (или) воспитываемого в ней ребенка. Главным остается не только обеспечение достойным пособием указанных женщин (хотя это обстоятельство, несомненно, имеет огромное значение), но и создание для них на рынке труда стабильности, что принесет в целом большую уверенность в завтрашнем дне.

В условиях рыночной экономики государство не может обязывать предпринимателя предоставлять работу всем желающим. Оно должно прилагать усилия именно для правового и экономического *стимулирования* заинтересованности работодателей в приеме на работу беременных и имеющих малолетних детей женщин (как и других неконкурентоспособных на рынке труда лиц). Это может заключаться в предоставлении материальной поддержки, налоговых льгот организациям, принимающим этих лиц на работу. Обращение к положительному опыту европейских стран поможет включить в механизм правового регулирования трудоустройства конкретные меры такой поддержки (например, предоставление налоговых льгот, частичная компенсация затрат организаций на сохранение рабочих мест – подобно тому, как это делается в Бельгии и Дании)⁸².

Таким образом, обеспечение реализации социально-экономических прав должно быть первоочередной задачей правового, социального государства, которым Россия себя конституционно провозгласила.

Глава 2

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕОБОСНОВАННОГО ОТКАЗА В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОГО УВОЛЬНЕНИЯ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ИМЕЮЩЕЙ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ТРЕХ ЛЕТ

§ 1. Объект необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет

Характеристика любого посягательства или группы посягательств предполагает прежде всего установление их объекта. Без определения, чему именно причиняет вред конкретное преступление, нельзя понять, в чем заключается его общественная опасность и можно ли квалифицировать содеянное по соответствующей норме Особенной части Уголовного кодекса. «...Неправильная квалификация содеянного в ряде, а может быть, даже в большинстве случаев имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления»⁸³. Свойства объекта посягательства позволяют уяснить содержание и признаки других элементов состава преступления (способ совершения, направленность умысла виновного лица и другие признаки объективной и субъективной стороны преступления). Объект посягательства обуславливает не только возникновение уголовно-правового запрета, но и его юридическую структуру, пределы и объем, круг запрещаемых действий⁸⁴.

В советской уголовно-правовой науке объект преступления определялся традиционно как «общественные отношения, ответственность за посягательства на которые предусмотрена нормами советского уголовного права»⁸⁵. Правда, иногда встречалось определение объекта как общественных интересов или условий нормального функционирования социальных установлений⁸⁶, либо специально установленных советским государством правовых условий «обеспечения тех или иных общественных отношений»⁸⁷.

Однако в последнее десятилетие XX века Н. И. Загородников усомнился в научной достоверности господствующего взгляда на объект преступления как общественное отношение. Он предложил считать объектом конкретные блага человека биологического, биосоциального и социального характера⁸⁸.

Такой взгляд разделяет и профессор А. В. Наумов. По его мнению, теория объекта преступления как общественного отношения «срабатывает» не всегда. Особенно, поясняет автор, это относится к преступлениям против личности, в первую очередь к убийству⁸⁹. В соответствии с этим представлением он сформулировал объект как «те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом»⁹⁰.

А. Э. Жалинский тоже полагает, что для отражения значимых в уголовном праве признаков объекта преступления разумно использовать нейтральное понятие «правовое благо» либо «защищаемый интерес»⁹¹. Представление об объекте как интересах, благах разделяют и другие ученые⁹².

Эта новая для российского (конца XX века) уголовного права позиция не является новой в буквальном смысле. Еще известный русский ученый Н. С. Таганцев писал: «Жизнь общественная в ее индивидуальных и общественных проявлениях творит интересы и вызывает их правоохрану, в силу чего эти интересы получают особое значение и структуру, облакаются в значение юридических благ (Rechtsguter) и как таковые дают содержание юридическим нормам и в то же время служат их жизненным проявлением, образуя своей совокупностью жизненное проявление правопорядка. При этом нельзя забывать, что, обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение... Таким образом, посягательство на норму права в ее реальном бытии есть посягательство на правоохраняемый интерес жизни, на правовое благо»⁹³.

Как видно, представление современных ученых об объекте как правовом интересе, правовом благе, по существу, стало возрождением представления об объекте великого русского ученого.

Однако многие (если не большинство) ученые объектом преступления считают по-прежнему общественные отношения⁹⁴.

Л. Д. Гаухман пишет: «Уголовным правом защищаются именно общественные отношения, обеспечивающие физические блага личности, а не сами по себе данные блага»⁹⁵.

По мнению И. Я. Козаченко, биологическая сущность человека вне совокупности общественных отношений не имеет для уголовного права самостоятельного значения⁹⁶.

В. Д. Филимонов подверг убедительной критике предложения считать объектом преступления людей или благо. По его мнению, в качестве объекта преступления благо может выступать в тех случаях, когда оно, во-первых, выражается в социально-полезном общественном отношении, во-вторых, является объектом социально-полезного общественного отношения⁹⁷. Рассматривать благо в качестве объекта *вне связи с общественными отношениями* нельзя, так как «его потребительские свойства в разных общественных отношениях могут использоваться не только в социально-полезных, но и в антиобщественных целях». Поэтому, также резюмирует В. Д. Филимонов, «объектом преступления правильнее считать общественные отношения»⁹⁸.

Несмотря на появление в литературе совершенно новых и оригинальных взглядов на объект преступления⁹⁹, две обозначенные позиции являются доминирующими в науке уголовного права и имеют в своей основе логически и теоретически обоснованный прочный фундамент.

Не вдаваясь в дальнейший анализ поставленной проблемы, отметим, что правильным представляется традиционное понимание объекта как охраняемых уголовным законом общественных отношений, на которые направлено общественно опасное деяние и которым причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда¹⁰⁰.

В исследуемом нами составе общественные отношения складываются по поводу реализации прав, поэтому исключительно в целях упрощения изложения материала мы будем писать об объекте как праве, имея в виду, что оно является лишь структурным элементом этих отношений.

До введения в действие УК 1996 г. в уголовно-правовой литературе традиционным являлось трехзвенное деление объектов преступлений «по вертикали» на общий (для всех преступлений), родовой (для преступлений одной главы) и непосредственный (для конкретного преступления). В зависимости от объекта посягательства осуществлялась систематизация уголовно-правовых норм в Особенной части УК 1960 г.

В современной науке уголовного права наряду с уже привычными объектами – общим, родовым и непосредственным – в связи со структурой Особенной части действующего УК (в нем главы объединяются в разделы) выделяют и видовой объект (для преступлений одной главы, тогда как родовым стал объединять преступления одного раздела).

В основу деления Особенной части УК РФ на разделы, а иногда и главы положен родовый (специальный) объект. Преступление, предусмотренное ст. 145 УК, помещено в раздел «Преступления против личности».

В соответствии с названием указанного раздела родовым объектом предусмотренных в нем посягательств является личность. В литературе высказываются точки зрения относительно неравнозначности понятий «человек» и «личность». В связи с чем звучат предложения об изменении названия раздела VII УК РФ с целью, как отмечает А. Н. Красиков, снятия формального противоречия между названием раздела и его действительным кругом объектов уголовно-правовой охраны, в который входят права и свободы людей, не являющихся личностью в правовом смысле¹⁰¹. С этой точкой зрения трудно не согласиться, и предложенное Р. Д. Шарповым название этого раздела – **«Преступления против человека»**¹⁰² – снимет, по нашему мнению, указанное А. Н. Красиковым противоречие.

Действительно, понятие «человек» большего объема, оно включает в себя и понятие «личность», и понятие «гражданин». Это подтверждается положением ст. 2 Конституции РФ, согласно которому «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Тем самым законодатель подчеркнул обобщенный характер данного понятия. Таким образом, человек – это общая категория, которая позволяет однозначно понимать, что под охраной VII раздела УК РФ находятся права любого человека независимо от объема прав, которыми он наделен, от государственного признания и законодательного закрепления этих прав, вне связи их носителя с тем или иным государством.

В УК Республики Беларусь, в УК Грузии, в Модельном УК для стран СНГ данный раздел называется «Преступления против человека».

Заметим, что исследуемое преступление в УК РСФСР 1960 г. находилось в главе «Преступления против политических и трудовых прав граждан», а преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности располагались в другой главе (Особенная часть УК РСФСР была поделена на главы). Однако в уголовно-правовой литературе проблема несоответствия понятий «личность» и «человек» и соответственно замены термина «личность» в названии главы третьей УК РСФСР 1960 г. не поднималась.

Итак, родовым объектом преступлений раздела VII УК РФ является личность, «а точнее, общественные отношения, обеспечивающие наиболее ценные блага и интересы человека»¹⁰³.

Значительно более сложную задачу представляет собой определение видового объекта преступлений, предусмотренных в гл. 19 УК. Описываемые в ней и, следовательно, имеющие один видовой объект преступления посягают на самом деле на различные группы ценностей, интересов¹⁰⁴. Данная глава называется «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». В Конституции формулируются основные, фундаментальные, базовые права и свободы, которые принято именовать *конституционными*, и Основной закон содержит около 30 таких прав и свобод. Однако гл. 19 включает *не все* посягательства на основные права, закрепленные в ней.

В уголовно-правовой литературе уже высказывались предложения об изменении названия указанной главы, так как эта специализированная глава УК включает посягательства только на 14 конституционных прав. Большая часть посягательств на эти права и свободы человека и гражданина (право на жизнь, достоинство личности, экономическую деятельность и др.) рассредоточена по другим структурным частям Особенной части УК РФ.

Имея в виду данное обстоятельство, А. И. Бойко констатирует, что «такова воля законодателя, его видение основного объекта преступлений, его классификационные решения»¹⁰⁵. Л. Мачковский тоже указывает на то, что уголовно-наказуемые деяния на конституционные права и свободы человека и гражданина, как определен видовой объект гл. 19 УК, размещены законодателем в различных разделах и главах Особенной части УК, имеющих разные родовые и видовые объекты и одно общее свойство – все они нарушают конституционные права людей, отсюда не совсем понятно, почему именно данная глава названа так¹⁰⁶. Принимая это во внимание, Л. Мачковский предлагает в некоторых случаях внутри видовой объект введения групповых объектов преступлений, при этом видовой объект будет родовой категорией для группового объекта. Относительно данной главы необходимо, по его мнению, возвратиться к перечислению групповых объектов посягательств. Согласно его первоначальной точке зрения, такими объектами являлись общегражданские, политические и социальные права¹⁰⁷. Однако в последующем автор изменил свою позицию и в соответствии с ней отнес к указанным объектам равноправие, личные, политические и социально-экономические права¹⁰⁸.

По мнению А. И. Бойко, преступления, описанные в гл. 19 УК, нужно поделить на следующие группы: преступления против гражданских прав (ст. 136–139), преступления против политических прав (ст. 140–142, 144, 148, 149), преступления против экономических прав (ст. 143, 145), преступления против культурных прав (ст. 146, 147)¹⁰⁹, однако никак не связывает эту группировку с возможностью изменить название гл. 19 УК.

А. Н. Красиков предлагает данную главу назвать «Преступления против иных конституционных прав и свобод человека и гражданина», но для логической завершенности раздела «Преступления против личности» он рекомендует поменять местами гл. 19 с гл. 20 УК РФ «Преступления против прав семьи и несовершеннолетних», так как преступления главы 20, как он отмечает, также посягают на конституционные права – права несовершеннолетних и членов семейного союза. Вместе с тем ученый делит все преступления, содержащиеся в гл. 19, на группы в зависимости от того, какие права и свободы подвергаются преступному воздействию: первую группу составляют преступления, посягающие на *гражданские права и свободы* (ст. 136, 137, 138, 139, 140, 148 УК); вторую – преступления, посягающие на *политические права и свободы* (ст. 141, 142, 144, 149 УК); третью – *преступления, посягающие на трудовые и иные права и свободы человека и гражданина* (ст. 143, 145, 145¹, 146, 147 УК)¹¹⁰.

А. В. Серебренникова, как и указанные выше авторы, приходит к выводу о закреплённости норм, охраняющих конституционные права граждан, и в других главах УК¹¹¹, и констатирует «неудачность» названия гл. 19 УК¹¹². В свою очередь, она считает возможным назвать ее «Преступления против личных, политических и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина»¹¹³.

Определяя видовой объект гл. 19 УК, авторы принимают за основу классификацию, которая признается *общепринятой* специалистами как в области теории государства и права, так и конституционного права. В соответствии с ней права и свободы человека подразделяются на 1) личные (гражданские), 2) политические, 3) социально-экономические и 4) культурные. Как отмечает Н. И. Матузов, такое их деление проводится как в мировой юридической практике, так и в национальных правовых системах, в том числе российской. Правда, в настоящее время эту классификацию предлагают дополнить группами экологических и информационных прав¹¹⁴.

Конечно же, любая классификация в определенной мере условна¹¹⁵. Так, свобода слова – личное, индивидуальное право, и человек сам решает, как его использовать; но одновременно оно имеет общественно-политический характер: частные беседы не есть осуществление этого права. Равноправие, охраняемое ст. 136 УК РФ, тоже есть личное право, но вместе с тем оно

носит и общественно-политический характер, поэтому некоторые авторы даже выделяют его в отдельную группу прав – такую, как «права и свободы, выражающие равноправие граждан»¹¹⁶.

Общепринятая классификация основана на различиях сфер жизни общества, характере отношений, где используются те или иные права, и вытекает из международно-правовых документов, закрепляющих общепризнанные принципы и нормы или международные стандарты в области прав и свобод человека и гражданина, – Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о *гражданских и политических* правах, Международного пакта об *экономических, социальных и культурных* правах. Как видно, указанная классификация определена уже в названиях этих документов.

Однако полного единства мнений авторов относительно классификации прав нет. Так, тот же Н. И. Матузов называет личные права наряду с гражданскими, т. е. как две самостоятельные группы прав¹¹⁷, а в конституционно-правовой литературе выделяют только личные права, не именуя их гражданскими¹¹⁸. Однако изучение литературы показывает, что большинство авторов действительно отождествляют личные права с гражданскими¹¹⁹. Правильность этого отождествления подтверждается и Международным пактом о гражданских и политических правах, в котором личные права отнесены к гражданским.

Вторая группа прав – политические – выделяется всеми без исключения авторами и никаких разногласий по поводу ее «самостоятельности» и названия не вызывает.

Что касается третьей группы прав – социально-экономических¹²⁰, то, поскольку она, очевидно, имеет отношение к основному непосредственному объекту исследуемого нами преступления, рассмотрим ее подробнее. Дело в том, что в литературе по общей теории права эту группу нередко «разбивают», выделяя две самостоятельных группы прав – социальные и экономические¹²¹. Обоснованно ли это?

Прежде всего нужно отметить, что, во-первых, «автономию» социальных и экономических прав отстаивают далеко не все специалисты в области общей теории права¹²². Их неразрывность отстаивает такой известный в области исследования прав человека автор, как профессор Е. А. Лукашева¹²³. Она подчеркивает, что эти права касаются поддержания и нормативного закрепления социально-экономических условий жизни индивида, определяют положение человека в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности (т. е. распространяются на определенную – социально-экономическую – область жизни человека)¹²⁴.

Во-вторых, социальные и экономические права не разграничивают в конституционно-правовой литературе¹²⁵.

В-третьих, в административном праве специалисты, описывая функции современной исполнительной власти, выделяют единую социально-экономическую функцию¹²⁶.

В-четвертых, в трудовом праве обоснованно отмечают взаимосвязь социальной и экономической функций трудового законодательства, что находит выражение в закреплении в нем как условий труда работника, его оплаты и охраны, так и экономических возможностей работодателя¹²⁷.

Показательно, что сторонники разделения третьей группы прав на социальные и экономические расходятся во мнении, в какую из них следует отнести те или иные права. К примеру, В. М. Шафиров право на труд причисляет к группе экономических прав¹²⁸, а В. Д. Перевалов – к группе социальных¹²⁹, что, полагаем, убедительно доказывает неразрывность этих прав.

Приведем и важный правовой аргумент. Европейская социальная хартия, принятая Советом Европы в 1961 г.¹³⁰, относит к социальным почти все те права, которые сторонники разделения социальных и экономических прав причисляют исключительно к экономическим.

Таким образом, нет никаких оснований отступать от объединения социальных и экономических прав и в уголовно-правовых исследованиях.

Итак, в соответствии с общепринятой классификацией, в гл. 19 УК РФ можно выделить следующие группы охраняемых прав (с учетом того, что включение того или иного права в определенную группу не бесспорно): *личные (гражданские) права* – нарушение равноправия (ст. 136), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), нарушение тайны переписки (ст. 138), нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139), воспрепятствование осуществлению свободы совести (ст. 148), нарушение авторских и других прав (ст. 146, 147)¹³¹; *политические права* – отказ в предоставлении информации (ст. 140), воспрепятствование осуществлению избирательных прав (ст. 141), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума (ст. 141¹), фальсификация избирательных документов (ст. 142), фальсификация итогов голосования (ст. 142¹), воспрепятствование законной деятельности журналистов (ст. 144) и проведению собрания, митинга (ст. 149); *социально-экономические права* – нарушение правил охраны труда (ст. 143), необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины и женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет (ст. 145), невыплата зарплаты (ст. 145¹). В связи с тем, что нормы гл. 19 УК не охраняют культурные права, соответствующей группы преступлений мы также не выделяем.

На первый взгляд видовой объект преступлений гл. 19 УК, будучи, как мы указывали, сборным, должен состоять из указанных трех групп прав. Однако только одна из них действительно защищается исключительно нормами гл. 19 УК – группа политических прав. Что касается остальных двух, то часть их охраняется и нормами других глав¹³². В связи с этим представляется необходимым уточнить неполноту охраны прав первой и третьей групп в определении видового объекта.

Г. В. Антипова, исследуя систему личных прав человека в конституционно-правовом аспекте, предлагает их классифицировать, рассматривая в качестве критерия классификации объект, на использование и охрану которого направлена каждая подгруппа личных прав. В связи с этим она выделяет три таких подгруппы: права, обеспечивающие физическую и психическую неприкосновенность (право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность); права, обеспечивающие нравственную ценность личности (право на честь и достоинство); права, обеспечивающие свободу личности¹³³.

Казалось бы, такая классификация личных прав позволяет нам уточнить их подгруппу, охраняемую нормами гл. 19 УК. Ее можно было бы назвать «Права, обеспечивающие свободу личности». Однако Г. В. Антипова в эту подгруппу включает наряду с правом на частную жизнь, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова и другие права, которые либо не охраняются уголовно-правовыми нормами вообще, либо охраняются другими главами УК (например, выделяемая Г. В. Антиповой свобода передвижения защищается нормами гл. 17 УК). В связи с этим считаем, что единственная возможность точно определить видовой объект – это определить его как «политические, а также отдельные личные и социально-экономические права».

С учетом изложенного проанализируем еще раз предложенные в уголовно-правовой литературе формулировки названия гл. 19 УК. Поддерживая в целом идею переименования главы, мы не можем не отметить некоторые неточности в предложениях авторов.

Так, первоначально Л. Мачковский, отождествляя личные и гражданские права, предлагал употребить в названии главы уже новый термин – «общегражданские права», что противоречит терминологии в общепринятой классификации прав. Кроме того, автор отступил от общепринятой классификации и в том, что наряду с общегражданскими и политическими

правами выделял группу социальных прав, не только не объединяя их с экономическими, но вообще не указывая последних.

В последующем, как отмечалось, Л. Г. Мачковский изменил свою первоначальную позицию, и предложенный им второй вариант названия гл. 19 УК стал в большей степени соответствовать общепринятой классификации прав. Вместе с тем выделение равноправия автономно, без отнесения его к той или иной группе прав, считаем неверным, так как в используемой классификации такого выделения нет.

Однако главная неточность в обоих вариантах, по нашему мнению, заключается в том, что предложенные автором наименования главы не отражают то обстоятельство, что ряд личных и социально-экономических прав охраняется и нормами других глав УК.

А. Н. Красиков при делении на группы преступлений, содержащихся в гл. 19, хотя и отталкивается от общепринятой классификации, но, в свою очередь, вместо группы социальных прав называет трудовые, которые в рамках указанной классификации отдельно не выделяются и рассматриваются разными авторами как *подгруппы* в группе социально-экономических прав, т. е. автор нарушает единое основание классификации¹³⁴.

Кроме того, А. Н. Красиков критикует выделение другими авторами в числе прав, охраняемых гл. 19 УК, личных прав. С его точки зрения, все права и свободы человека и гражданина, закрепленные в гл. 2 Конституции РФ и охраняемые уголовным законом, являются личными правами, т. е. правами частного человека, поэтому при классификации преступлений указанной главы неверно выделять группу посягательств, нарушающих *личные* права и свободы человека.

Вместе с тем А. Н. Красиков выделяет гражданские права, которые, как было показано выше, являются синонимом личных прав. Однако главное упущение предложенного автором названия гл. 19 УК («Преступления против иных конституционных прав и свобод человека и гражданина») проистекает из того, что оно остается весьма неопределенным, поскольку не ясно, какие же конституционные права гл. 19 УК не охраняются.

Вполне соответствует общепринятой классификации прав название гл. 19, предложенное А. В. Серебренниковой, – «Преступления против личных, политических и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина». Однако такое наименование страдает тем же недостатком, который мы выявили в названии гл. 19 УК, предложенном Л. Мачковским: из него можно сделать вывод, что только нормы этой главы УК устанавливают ответственность за посягательство на эти права.

Нам представляется, что название гл. 19 УК для точного отражения видового объекта действительно должно содержать перечисление трех групп прав – личных, политических и социально-экономических, но одновременно из него должно быть видно, что гл. 19 УК охраняет не все личные и социально-экономические права. Таким требованиям отвечало бы следующее перечисление прав в наименовании – **«Политические, а также отдельные личные и социально-экономические права»**. Это, конечно, уступает и существующему в УК, и предложенным в литературе по «благозвучию», но отражает видовой объект с максимальной точностью.

В УК РСФСР 1960 г. название рассматриваемой главы было более узким – «Преступления против политических и трудовых прав граждан», как и в других кодексах союзных республик. УК отдельных союзных республик добавляли к этому – «и иных», обозначая личные (гражданские) права – на тайну переписки, неприкосновенность жилища, свободу совести, – «не умещавшиеся» в двух первых понятиях.

В настоящее время при анализе уголовного законодательства государств – бывших союзных республик в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что целый их ряд (Азербайджан, Беларусь, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) в новых уголовных кодексах, принятых за последнее десятилетие, именуют соответствующую главу (раздел) так

же, как и действующий УК РФ. Вместе с тем в УК Казахстана глава, в которой размещены нормы, охраняющие трудовые правоотношения, имеет название «Преступления против конституционных и *иных* прав и свобод человека и гражданина». В УК Украины данные нормы размещены в главу «Преступления против избирательных, трудовых и других личных прав», в Латвии – в главу о преступлениях против основных прав и свобод, в Эстонии – в главу «Преступления против политических и трудовых прав личности», в УК Грузии – в главу «Преступления против прав и свобод человека».

Интересным видится законодательное решение в УК Литвы, где разделены нормы о преступлениях против различных прав, закрепленных конституциями, и каждая группа выделена в отдельную главу: трудовые права охраняются главой «Преступления и уголовные проступки против социальных прав личности (хотя главой «Преступления и уголовные проступки против равноправия лица и свободы совести» ст. 169 предусмотрена ответственность за дискриминацию по принадлежности к определенной национальности, расе, полу, происхождению, религии или иной группе людей, в том числе и в *трудовой деятельности*)».

В некоторых странах Западной Европы – Франции, ФРГ, Испании, Швейцарии – также пошли по этому пути.

В УК Казахстана, Латвии, Эстонии, Литвы нет традиционного деления Особенной части на разделы. Данные законодательные решения, возможно, заслуживают дальнейшего изучения как некий путь «наименьшего сопротивления», освобождающий от необходимости точного формулирования объекта преступления более высокого класса (видового, родового).

Видовой объект посягательств обозначен в гл. 19 УК как «*права и свободы человека и гражданина*». Как отмечает В. Е. Чиркин, существенного различия в содержании терминов «право» и «свобода» нет¹³⁵. Обычно считается, поясняет он, что второй из них имеет более конкретный характер и исторически связан с защитой самостоятельности личности, ограждением от вмешательства государства в ее внутренний мир (свобода совести, свобода научного и иных видов творчества), а первый предполагает участие личности в деятельности общества, государства, коллективов, иных структур.

Иногда называют иное отличие: свободы реализуются по личному усмотрению адресата, а право характеризует меру возможного поведения и требует правовой регламентации со стороны государства. Так, С. А. Авакьян подчеркивает, что право человека и гражданина более формализованная категория, т. е. варианты использования права обозначаются в нормативном акте, нередко даже исчерпывающим образом, а свобода – понятие более широкое и имеет много вариантов осуществления, одни можно отразить в нормах права, в отношении других это просто невысказано сделать¹³⁶. По ее мнению, границы между двумя этими понятиями подвижны, порой условны.

Более аргументированной и обоснованной представляется позиция В. М. Шафирова, который рассматривает свободу как центральный компонент содержания права. Право, пишет автор, – это сама свобода личности, но свобода официально признанная, обеспеченная определенным общим масштабом (мерой)¹³⁷. Словосочетание «права и свободы» носит, скорее всего, традиционный характер, и, как видно из сказанного выше, условный, и заимствовано из прошлого. В таком случае есть все основания для применения в названии гл. 19 только термина «права».

В соответствии с названием гл. 19 УК от преступлений, предусмотренных в ней, защищаются права и свободы «*человека и гражданина*». В настоящее время указанное деление все более утрачивает или даже утратило свой смысл, поскольку прирожденные права человека давно признаны всеми развитыми демократическими государствами и выступают одновременно в качестве прав гражданина.

Как отмечает Н. И. Матузов, «во всяком случае внутри государства разграничение прав на «два сорта» лишено практического значения»¹³⁸. Обосновывая свою точку зрения, он пишет, что даже апатриды, проживающие на территории той или иной страны, находятся под юрисдикцией ее законов и международного права. Более того, как утверждал И. Е. Фарбер, «между правами человека, гражданина и лица нет абсолютной грани»¹³⁹.

Конечно, политическими правами обладают граждане, только они могут быть потерпевшими от уголовно-наказуемых посягательств на эти права. На это обстоятельство непосредственно указывает уголовный закон (например, ст. 140 – «Отказ в предоставлении гражданину информации»), и в конкретном случае только гражданин может быть потерпевшим от данного преступления. Однако поскольку любой гражданин является человеком, о чем было сказано выше, то отдельное указание на гражданина в видовом объекте преступления излишне. Таким образом, и в названии раздела, и в названии главы видится правильным употребление лишь термина «человек».

На основании изложенного считаем более верным следующее наименование гл. 19 УК: **«Преступления против политических, а также отдельных личных и социально-экономических прав человека»**.

В литературе по-разному понимают непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 145 УК. Некоторые авторы считают данное преступление двухобъектным. По мнению Р. И. Михеева, непосредственным объектом является *«право на труд женщины, находящейся в состоянии беременности или имеющей детей в возрасте до трех лет, а также принцип равенства граждан, установленный в ст. 19 Конституции»*¹⁴⁰, а факультативным выступают *права ребенка*, поскольку дискриминация матери в области трудоустройства закономерно сказывается на материальном благополучии семьи.

А. И. Бойко и П. Яни также считают данное преступление двухобъектным. Определение основного непосредственного объекта у первого из указанных авторов отличается от определения, данного Р. И. Михеевым, тем, что А. И. Бойко включает в него *право на труд, не уточняя, что оно принадлежит определенной категории женщин*¹⁴¹.

Факультативный непосредственный объект у А. И. Бойко сформулирован почти так же, как у Р. И. Михеева, но несколько шире: по его мнению, дискриминация матери в области трудоустройства закономерно сказывается не только на материальном благополучии семьи, но и способствует росту конфликтности внутрисемейных отношений, снижает взаимное доверие между детьми, ограничивает возможности развития и творческого роста ребенка.

П. Яни, не уточняя, точку зрения каких авторов на основной непосредственный объект он разделяет, вторым объектом (не поясняя, факультативным или дополнительным) называет *сферу реализации права на защиту материнства и детства*¹⁴².

А. П. Кузнецов и Н. А. Лукьянова основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления считают *«общественные отношения, обеспечивающие право на труд беременных женщин и женщин, имеющих детей до трехлетнего возраста, что означает право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, равенство в возможностях их реализации»*¹⁴³. В качестве факультативного объекта ч. 2 ст. 145 они называют *жизнь и здоровье человека*, которому может быть причинен вред в результате отсутствия денежных средств¹⁴⁴ [очевидно, авторами допущена ошибка, т. к. в ст. 145 УК нет части второй].

По мнению других авторов, исследуемое преступление относится к однообъектным. Так, А. В. Кладков отмечает, что «указанная статья УК направлена на защиту предусмотренного ст. 37 Конституции РФ права каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также установленного ч. 3 ст. 19 Конституции РФ

равенства в правах и свободах женщины и мужчины и равенства в возможностях их реализации»¹⁴⁵.

В свою очередь, Л. Мачковский определяет объект преступления, предусмотренного ст. 145 УК, как «общественные отношения, обеспечивающие реализацию права беременной женщины и матери, имеющей малолетних детей, на получение работы в соответствии с их деловыми качествами и на сохранение работы в течение срока беременности и до достижения ребенком трехлетнего возраста»¹⁴⁶.

С нашей точки зрения, ни равенство в правах и свободах мужчины и женщины, ни равенство в возможностях их реализации (А. В. Кладков) непосредственным объектом исследуемого преступления быть не могут, поскольку ст. 145 УК называет преступными действия в отношении не *всех* женщин, а только их части – беременных или имеющих детей в возрасте до трех лет. Указанное преступление не может быть причислено и к «дискриминационным в отношении женщин», поскольку понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение *по признаку пола*¹⁴⁷, а в ст. 145 УК предусмотрены деяния, ограничивающие права женщин по другому признаку (или, точнее, обстоятельству).

Трудно согласиться с А. В. Кладковым и в том, что указанная статья УК направлена на защиту *каждого* свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, поскольку потерпевшим от необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, *может быть далеко не каждый*.

В то же время у А. В. Кладкова, А.П. Кузнецова и Н. А. Лукьяновой определение объекта сводится к праву свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. А. П. Кузнецов и Н. А. Лукьянова так и указывают, что «право на труд означает право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду...»¹⁴⁸.

Однако в первой главе мы обосновали, что *право на труд не тождественно праву на свободу труда*, и, соответственно, представление об объекте данного преступления А. П. Кузнецова и Н. А. Лукьяновой ошибочно.

Не вполне точным мы считаем положение, содержащееся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹⁴⁹. В нем отказ в приеме на работу связан с *правом свободно распоряжаться своими способностями к труду*, а отказ в приеме на работу женщин по мотиву их беременности или наличия детей в возрасте до трех лет (абз. 3 п. 10) рассматривается исключительно **как носящий дискриминационный характер**, т. е. ограничивающий права названной категории женщин *по обстоятельствам*, не связанным с деловыми качествами. Такой подход Пленума позволяет относить к дискриминационному и увольнение женщин беременных либо имеющих детей в возрасте до трех лет: основанием такого увольнения являются обстоятельства, также не связанные с деловыми качествами работниц. Однако данным преступлением нарушается не только принцип равенства при заключении трудового договора (и его расторжении), но (а может быть, в первую очередь) и право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом (право на труд). И право на труд у этих женщин есть, поскольку провозгласивший его Международный пакт об экономических, культурных и социальных правах был ратифицирован СССР еще в 1973 г. Что касается права свободно распоряжаться своими способностями к труду, то оно нарушилось бы принуждением женщины к труду, ограничением выбора того или иного рода деятельности и занятий.

С учетом изложенного, **основным** непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 145 УК, по нашему мнению, является право на труд женщины беременной или имеющей детей в возрасте до трех лет и ее равные с другими права на заключение трудового договора (и на его расторжение).

Что касается утверждения Р. И. Михеева и А. И. Бойко о том, что права ребенка являются факультативным объектом данного преступления, то это, как мы считаем, неверно: вряд ли права ребенка можно назвать непосредственным объектом этого преступления (пусть и факультативным). Сами авторы пишут, что преступление на правах ребенка *сказывается*, т. е. вред его правам причиняется косвенно, а факультативный объект – объект непосредственный.

Ошибочным, с нашей точки зрения, является и признание факультативным объектом жизни и здоровья человека (А. П. Кузнецов и Н. А. Лукьянова). Если бы эти ценности в действительности были факультативным объектом исследуемого преступления, то, во-первых, иначе была бы сформулирована диспозиция ст. 145 УК (как, например, в ч. 2 ст. 145¹ УК), а во-вторых, посягательство на такой объект неизбежно отразилось бы в санкции, которая никогда бы не ограничилась обязательными работами.

В то же время, по нашему убеждению, у необоснованного отказа в приеме на работу или увольнения с работы беременной женщины и женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, дополнительные объекты есть. Во-первых, им является **право на охрану материнства** (п. 1 ст. 38 Конституции РФ). В отличие от П. Яни, по изложенным выше соображениям мы не включаем в объект право на охрану детства.

В российской социологической энциклопедии материнство определяется как биологическое и социальное отношение матери к ребенку (детям), а основными функциями материнства называют репродуктивную и воспитательную¹⁵⁰. Первая функция, как указано в данном издании, неразрывно связана со второй (уход за детьми, их воспитание, обучение и т. д.). Материнство определяют и как состояние женщины в период беременности, родов, кормления и воспитания ребенка¹⁵¹. Как видим, материнство включает в себя и состояние беременности. Уточнение понятия материнства важно для определения того, к какому объекту относится право на его охрану. Дело в том, что необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение могут совершаться и в отношении женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, матерями которых они могут и не являться¹⁵² (женщины-опекуны, женщины-усыновители), и, следовательно, право на охрану материнства нарушается исследуемым преступлением не всегда. С учетом изложенного, обосновано отнесение права на охрану материнства к *дополнительному факультативному объекту*¹⁵³.

Конечно, нам могут возразить, что для охраны материнства в ТК предусмотрены и другие гарантии: недопущение беременных женщин к работе в ночное время; запрет на направление беременных женщин в командировки, привлечение их к сверхурочной работе, работе в выходные и праздничные дни; недопущение отзыва беременных женщин из отпуска, а также замена отпуска денежной компенсацией и др.

При этом уголовная ответственность за нарушение этих гарантий в УК не установлена. Кроме того, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины либо женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, не предусмотрены как требующие запрещения и в Конвенции МОТ от 28 июня 1952 г. № 103 относительно охраны материнства¹⁵⁴. Однако п. 2 ст. 11 Конвенции от 18 декабря 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» дает основания отнести запрет увольнения беременных женщин к запретам, направленным на защиту материнства (в ней указано: «для предупреждения дискриминации в отношении женщин по причине замужества или материнства и гарантирования им эффективного права на труд государства-участники принимают соответствующие меры для того, чтобы запретить под угрозой применения санкций увольнение с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам...»)¹⁵⁵. А отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста согласно постановлению Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства,

укреплению семьи» был предоставлен именно «для создания благоприятных условий по уходу за новорожденными и малолетними детьми» (п. 7)¹⁵⁶.

Поскольку субъектом рассматриваемого преступления наряду с другими лицами может быть и должностное лицо либо лицо, выполняющее организационно-распорядительные обязанности в коммерческой или иной организации (вопрос о субъекте преступления будет рассмотрен в III главе), то вторым дополнительным факультативным объектом являются **интересы службы (государственной или в коммерческой или иной организации)**. Интересно отметить, что большинство авторов, исследовавших данную тему, хотя и указывают в качестве субъектов должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (субъекты ст. 285 и 201), в то же время не называют дополнительным объектом исследуемого преступления интересы службы.

Подводя итог изложенному в данной главе, повторим, что, по нашему мнению, название разд. VII должно быть следующим – «Преступления против человека», наименование гл. 19 УК – «Преступления против политических, а также отдельных личных и социально-экономических прав человека». Мы также пришли к выводу, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 145 УК, является право на труд женщины беременной или имеющей детей в возрасте до трех лет и ее равные права с другими на заключение трудового договора (и на его расторжение), а дополнительными факультативными объектами – право на охрану материнства указанных женщин и интересы службы (в государственной или в коммерческой или иной организации).

§ 2. Потерпевший от необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет

Общественная опасность исследуемого деяния обусловлена совершением его в отношении специального потерпевшего. Признаки потерпевшего, отмечает И. Фаргиев, включаются в составы преступлений не во всех случаях, а лишь тогда, когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его определенными условиями¹⁵⁷. Это положение, уточняет автор, аналогично положению со специальным субъектом преступления. Данную особенность, указывает П. С. Дагель, в уголовном праве отражает понятие «специальный потерпевший»¹⁵⁸.

Предваряя непосредственное исследование этого вопроса, стоит отметить, что в уголовно-правовой науке наметилась тенденция усиления внимания к потерпевшему от преступления¹⁵⁹.

В советский период этой теме были посвящены только отдельные работы по уголовному праву¹⁶⁰. Некоторые авторы рассматривали данный вопрос факультативно, в рамках исследования других уголовно-правовых вопросов¹⁶¹.

Проблемы, связанные с потерпевшим, разрабатывались и продолжают разрабатываться главным образом учеными-процессуалистами и криминологами¹⁶². Между тем, как отмечает А. В. Залозный, следует принимать во внимание системность современного законодательства и рассматривать фигуру потерпевшего от преступления с позиции законодательства криминального цикла в целом¹⁶³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.